

Н. Н. ВОРОНИН**АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ И ЛУКА ХРИЗОВЕРГ***(Из истории русско-византийских отношений XII в.)***1**

XII столетие в истории Руси ознаменовано быстрым и блистательным расцветом культуры и искусства, связанным с ростом старых и новых городов, с подъемом политической роли городского населения. На той же исторической почве рождается сознание гибельности феодального дробления страны, нашедшее наиболее яркое выражение в «Слове о полку Игореве», где прозвучал призыв к объединению русских сил перед лицом половецкой опасности. Но еще до появления «Слова» эти тенденции проявились в политической борьбе Владимиро-Суздальского княжества, где при Андрее Боголюбском (1157—1174) складывается союз крепнущей княжеской власти и горожан и ведется целеустремленная борьба за общерусский приоритет Владимирской земли, за подчинение владимирским монашам другим русским княжеств, за превращение столицы княжества — Владимира — в общерусский политический центр.

Сильнейшим средством в этой борьбе могла бы стать церковь, могущественная феодальная организация, в руках которой были сосредоточены и все средства пропаганды: многочисленные покрывавшие Русь храмы, искусство, литература. Простирая свою духовную власть через рубежи феодальных княжеств в границах «всей Руси», церковь могла бы содействовать ее сплочению. Вспомним характеристику подобных возможностей католической церкви, данную Ф. Энгельсом: «Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага, сарацин... Это теологическое объединение было не только идеальным. Оно в действительности существовало не только в лице папы, своего монархического центра, но прежде всего в организованной на феодальных и иерархических началах церкви, которая в каждой стране владела приблизительно третьей частью всей земли и составляла поэтому крупную силу в феодальной организации. Церковь с ее феодальным землевладением служила реальной связью между различными странами; феодальная организация церкви освящала религией светский феодальный государственный строй»¹. Однако нити церковной субординации прочно связывали русскую церковь с ее верховным зарубежным главой — византийским патриархом — и его агентом на Руси — митрополитом-греком в Киеве. Последний стремился сделать управление русской церковью средством реализации

¹ Ф. Энгельс. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XVI, ч. I, стр. 295.

имперской политики на Руси. Будучи почти независимым от местной княжеской власти, он вмешивался в русские междукняжеские отношения в интересах Византии. Разветвленная система церковного аппарата — от константинопольского патриарха, через киевского митрополита, епископов в русских княжествах и подчиненное им местное духовенство — пронизывала всю русскую жизнь вплоть до личного быта человека. Митрополит-грек, сидя в Киеве, всегда знал течение дел в любом отдаленном углу Русской земли и мог оказать свое влияние на его ход.

Поэтому уже в XI в. стала ясной необходимость ослабления этой зависимости. Ярослав Мудрый добился поставления в митрополиты русского — Илариона. Его знаменитое «Слово о законе и благодати» с определенной силой выражало патриотическую гордость Русской землей и ее величием, мысль о ее равенстве с Византией и ее праве на независимость. Однако русский на митрополичьем престоле был единичной удачей, а затем там неизменно появлялся византиец. В беспринципности и лживости церковников-греков на Руси убедились давно — «суть бо греци льстиви и до сего дня», а о черниговском епископе Антонии сказано еще острее: «се же молвяше им, леств тая в собе — бяше бо родом гречин»².

Стремление к освобождению русской церкви от греческой опеки усилилось в XII в., когда греческие происки осложняли и запутывали политическую борьбу, направляя ее развитие в интересах византийского императора, который и теперь, в условиях приближавшегося ослабления Империи, еще продолжал рассматривать Русь как имперскую провинцию. И естественно, что особую тревогу и внимание Византии вызывали ясно обнаружившиеся в XII в. тенденции преодоления феодальной раздробленности и борьба за усиление и преобладание той или иной династии на Руси.

Позиция русской церкви по отношению к усилению княжеской власти была очень противоречивой и двойственной. Церковь была, с одной стороны, заинтересована в могущественном покровительстве, способном защитить ее владения от разорительных феодальных усобиц и опасности народных восстаний. С другой стороны, будучи связана с верховной властью своего главы — константинопольского патриарха, она являлась проводником византийской политики, направленной против объединения и усиления русских княжеств, с неизбежностью порождавших стремление к национализации церкви и освобождению ее от греческой «игемонии». Для достижения этого нужно было установить порядок, при котором русский митрополит ставился бы собором русских епископов. Такую попытку предпринял Изяслав Мстиславич киевский, которому удалось добиться избрания на митрополичью кафедру своего ставленника Климента Смолятича; но с захватом Киева Юрием Долгоруким он был смещен и вновь заменен греком — Константином I. «Греки ценили в эту эпоху византийского митрополита дороже, чем даже вспомогательные войска, в которых они так нуждались»³.

Андрей Боголюбский не уступал Изяславу Мстиславичу ни в решительности, ни в энергии. Но он ясно оценивал из опыта своего участия в борьбе отца за Киев силу сопротивления его политическим планам не только в самой Владимирской земле и даже не только на Руси, но и за ее пределами. Византия зорко следила за событиями, развивавшимися на далеком Северо-Востоке Европы, и росшей здесь силой, способной

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 121; ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 523.

³ П. С о к о л о в. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. стр. 116.

нарушить и порвать грекофильскую политическую линию Юрия Долгорукого. «Империя, — замечает М. Д. Приселков, — только в дроблении сил нового сильнейшего Ростово-Суздальского княжества в это время и в ближайшие годы видела свою основную задачу»⁴. К тому же византийский император Мануил, этот «политический фантаст XII в.»⁵, мечтавший о восстановлении могущества Римской империи, вынашивал и планы более непосредственной связи Руси с Ромейской империей: предполагая подчинить своей власти Венгрию, Мануил рассчитывал, что это сольет Русь с территорией его державы⁶. Все это осложняло положение, делая насущным и вопрос о самостоятельности русской церкви. Давний опыт Ярослава Мудрого и попытка Изяслава с поставлением Клим Смолятича показывали, что нужно продолжать эту борьбу, чтобы, освободив церковь от византийской опеки, поставить ее на службу русским политическим целям.

Проведенное нами исследование ряда церковно-литературных произведений Владимирской Руси 60-х годов XII в. раскрывает интенсивную, руководимую самим князем Андреем работу владимирских писателей, труд которых был направлен на создание своих владимирских святынь, на приурочение к Владимирской земле главных христианских культов, на аргументацию древности христианства на Северо-Востоке. Крупной фигурой в этой церковно-литературной работе был вышгородский выходец поп Микула, ставший духовником и советником князя Андрея и главой капитула владимирского Успенского собора. Так создается культ Владимирской иконы богородицы, пропаганде которого посвящено специальное «Сказание» о ее чудесах, составленное Микулой⁷. Богородице посвящаются новые белокаменные храмы стольного Владимира и Боголюбского замка⁸. Учреждается без санкции митрополита и патриарха новый владимирский праздник Покрова богородицы, прокламирующий ее особый патронат Владимирской земле и ее князю. Связанные с новым культом произведения говорят о его реальных политических целях — защите союза князя и горожан («князь, город и люди») и их борьбе против «тмы разделения нашего». Здесь подвергается антигреческой обработке и переосмыслению известное по житию Андрея Юродивого «влахернское чудо»⁹. В связи с победой над болгарами (1164 г.) во Владимире устанавливается княжеско-воинский праздник Спаса 1 августа, в «Сказании» о котором, составленном при непосредственном участии Андрея Боголюбского, прокламируется мысль о его равенстве с императором Мануилом Комнином¹⁰. Наконец, организованное князем и церковниками в 1160 г. «открытие мощей» епископа ростовского Леонтия дает повод для создания в его «Житии» (первой редакции) мифа о хри-

⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 77.

⁵ А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V. 1927, стр. 260—261.

⁶ П. Соколов. Указ. соч., стр. 117.

⁷ Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери (с предисловием В. О. Ключевского). М., 1878.

⁸ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1. М., 1961, гл. XIV—XXI.

⁹ Слово на Покров: Прологи XIV в. Отдел рукописей ГИМ, Синод. библ., № 239 (л. 42 об.—43) и № 248 (л. 29 об.); Великие Миней четьи, собранные митрополитом Макарием. Октябрь, дни 1—3. М., 1870, стб. 4—5; Служба на Покров: псалтырь XIV в. Синод. библ., III-431 (л. 126—128); Сергий. Андрей Юродивый и праздник Покрова богородицы. СПб., 1898; М. А. Остроумов. Происхождение праздника Покрова. «Приходское чтение», 1911, № 19.

¹⁰ И. Е. Забелин. Следы литературного труда Андрея Боголюбского. «Археологические известия и заметки», 1895, № 2—3; Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 19—22.

стианизации Северо-Восточной Руси в конце X в., о первых греческих епископах¹¹. В этой связи возникает также легендарная летописная версия об основании Владимира не Владимиром Мономахом, а Владимиром Святославичем¹². Все эти новые культы и святыни, а также церковно-политические сочинения были призваны дать религиозную санкцию политическим мероприятиям Андрея, аргументировать права его княжества на церковную независимость, облечь ореолом «небесного покровительства» Владимир и Владимирскую землю, которые претендовали на то, чтобы перенять руководящую роль «матери градов русских» — Киева.

2

Если можно охарактеризовать работу владимирских писателей и оценить идейные цели их произведений, то самый ход церковно-политической борьбы за самостоятельность владимирской церкви крайне скудно и противоречиво освещен источниками. Сопоставление сведений о ней в летописях свидетельствует о специальной цензурной чистке текстов, откуда изымались все сведения об основной фигуре этой борьбы — епископе Федоре, или Федорце, ставленнике князя Андрея на владимирскую кафедру. О его деятельности мы, в сущности, узнаем лишь из пространного и злобного повествования о его казни, занесенного под разными годами в летописные своды Севера и Юга, что ясно свидетельствует об интерполяции этого текста. Видимо, в связи с этой редакционной обработкой летописей оказался запутанным и вопрос о греческих ставленниках на Ростово-Суздальскую епископию — Несторе и Леоне. Ипатьевская летопись совершенно ничего не знает о епископе Несторе и борьбе с ним Андрея, она рассказывает только о Леоне, ничего не сообщая также и о Федоре вплоть до рассказа о его казни¹³. Лаврентьевская же летопись говорит о Несторе и Леоне и об их конкуренции, связывая спор о постах с Леоном¹⁴. Видимо, следом редакционного просмотра летописи является и отсутствие каких-либо записей под 1162—1163 гг., предшествующих тексту 1164 г., знакомящему нас уже с итогами происшедшего в предыдущие годы. В этом суммарном тексте случайно сохранилось упоминание о «владыке Федоре», который переспорил Леона в диспуте о постах¹⁵. Здесь редактор, очевидно, усомнился, кто этот Федор, и, вероятно, принял его за киевского митрополита Федора, занимавшего престол в течение десяти месяцев¹⁶.

Уже эти самые общие наблюдения над источниками о церковных делах 60-х годов, скудость и противоречивость их данных сами по себе говорят об остроте и необычности происшедшего, которое либо получало разное освещение, либо просто замалчивалось.

Неясность картины событий 60-х годов и их связи долгое время поддерживалась тем, что единственный важнейший греческий документ, освещающий церковно-политическую борьбу этой поры, — грамота константинопольского патриарха Луки Хризотерга к Андрею Боголюбскому — не подвергался должной исторической критике. Грамота

¹¹ А. А. Т и т о в. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893. Текст старшей редакции: пролог XIII—XIV вв. Отдел рукописей ГИМ, Синод. библиот., № 246 (л. 102—103); «Православный собеседник», 1858, ч. 1, стр. 297; В. О. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 3—22.

¹² След этой версии сохранил текст владимирского свода 1177 г. (ПСРЛ, т. I. Л., 1926—1928, стб. 378).

¹³ Там же, т. II, стб. 491—551.

¹⁴ Там же, т. I, стб. 347—357.

¹⁵ Там же, т. I, стб. 351—352.

¹⁶ Там же, т. II, стб. 522.

дошла до нас лишь в русском переводе в двух редакциях — краткой, видимо, близкой к подлиннику, известной по списку в сборнике XVII в. Кирилло-Белозерского монастыря¹⁷, и пространной, помещенной под 1160 г. в Никоновской летописи¹⁸. Эта последняя редакция, где обозначено имя ростовского епископа Нестора, содержала множество неясностей и противоречий и вызывала различные оценки виднейших историков русской церкви — Макария, Е. Голубинского, М. Д. Приселкова¹⁹, и только П. Соколов дал правильное толкование источника²⁰. Исследователь доказал, что грамота Хризоверга говорит о деле не Нестора, а Леона, что имя Нестора произвольно внесено позднейшим переписчиком. Это позволило датировать грамоту не 1160 г., как полагал А. С. Павлов²¹, а 1168 г.²² Датировка грамоты не ранее 1164 г. подтверждается также и тем, что она упоминает «церкви многи», построенные князем Андреем во Владимире: к 1160 г. здесь только заканчивался Успенский собор, две же другие церкви — Спасская на новом дворе Андрея и Положения риз на Золотых воротах — построены лишь в 1164 г. Эти новые определения времени и самого сюжета грамоты, а также раскрытие путаницы, внесенной Никоновской летописью в изложение дела Федора (появление двух Федоров и пр.), позволили П. Соколову восстановить с большей или меньшей беспорочностью основные факты и ход церковно-политической борьбы 60-х годов²³. В дальнейшем изложении мы и придерживаемся этих выводов, дополняя, а в ряде случаев отклоняя некоторые из них.

Уже на другой год после прихода Андрея на Север, в 1156 г., митрополит проявляет особое внимание к судьбам местной церкви. Об этом говорит глухая летописная запись: «на ту же зиму иде епископ Нестер в Русь и лишиша и епископы»²⁴. Летопись не уточняет причин низложения Нестора. Летом этого года митрополичий престол занял новый митрополит — грек Константин, торжественно встреченный и чествованный Юрием Долгоруким²⁵. Возможно, что Константин вызвал Нестора в Киев и поставил ему в вину его нерадивость в церковном строительстве, его уклонение от присутствия на соборе 1147 г., избравшем Клим Смолятича, а также то, что он не поспешил на поклон к новому митрополиту²⁶. Никоновская летопись добавляет, что Нестор «от своих домашних оклеветан бысть... и в запрещении бысть»²⁷. Если это не

¹⁷ Макарий. История русской церкви, т. III. СПб., 1868, стр. 351, прим. 33.

¹⁸ ПСРЛ, т. IX, стр. 226—229. Новое издание грамоты А. С. Павловым — РИБ, т. VI. СПб., 1908, стб. 63 (текст грамоты краткой редакции — стб. 63—68; дополнение по Никоновской летописи — стб. 68—76). Далее пользуемся этим изданием.

¹⁹ Макарий. Указ. соч., т. III, стр. 105—111; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1. М., 1901, стр. 330—332, 439—443; ч. 2, стр. 462—474; М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 395 и сл.; см. также Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 105.

²⁰ П. Соколов. Указ. соч., стр. 98—99.

²¹ РИБ, т. VI, стб. 63—64.

²² П. Соколов. Указ. соч., стр. 134.

²³ М. В. Левченко в своей работе не учел исследования П. Соколова и остался на почве ложных сведений Никоновской летописи (М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 469). Также не учел работы П. Соколова И. У. Будовниц, рассматривающий борьбу Андрея за самостоятельность русской церкви в свете данных Никоновской летописи [И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, стр. 246—248].

²⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 347.

²⁵ Там же, т. II, стб. 485.

²⁶ П. Соколов. Указ. соч., стр. 97.

²⁷ ПСРЛ, т. IX, стр. 207.

домысел позднего сводчика, то можно думать, что уже грек Нестор испытал гонение Андрея, которому подвергся позднее и его преемник грек Леон. Далее мы ничего не знаем о судьбе Нестора; возможно, что он оставался на покое в Суздальской земле. Во всяком случае он был жив в 1158 г., когда на епископскую кафедру был прислан очередной грек — Леон, которого суздальцы обвиняли, что он «не по правде поставися Суждалю, Нестеру пискупу Суждальскому живу сущю, пере-хвativ Нестеров стол»²⁸. Назначение нового епископа-грека показывало, что патриарх и император стремились поставить Ростовскую епископию под особо близкий надзор и теснее связать ее с митрополичьим центром. Е. Голубинский не без основания заметил, что «была одна епархия, которую вследствие ее особых обстоятельств грекам удавалось замещать особенно часто, так что они считали ее как бы своей епархией, и которую они, если верить известиям, до некоторой степени сделали епархией полугреческой. Это епархия Ростовская»²⁹.

Между низложением Нестора и назначением Леона в 1156—1158 гг. епископская кафедра оставалась незамещенной, и возможно, что в этот период у Андрея и складывается мысль об организации во Владимирской земле независимой от митрополита епископии или особой митрополии³⁰. Во всяком случае в 1158 г. он закладывает во Владимире новый обширный городской Успенский собор. Возможно, что уже в это время он наметил своего кандидата на владимирскую кафедру — некоего Федора. Это был не монах, а мирянин, «сестричич», т. е. сын сестры близкого к Юрию Долгорукому и Андрею киевского боярина Петра Бориславича³¹.

Естественно, что появление нового митрополичьего ставленника грека Леона осложняло обстановку, и уже на другой год, в 1159 г., он был изгнан. По словам летописи, Андрей якобы не имел к этому отношения: епископ был удален решением городского веча («выгнаша Ростовци и Суждальци Леона епископа, зане умножил церковь, грабяй попы») ³². Едва ли можно думать, что Леон «обложил попов тяжкими поборами на постройку новых церквей» ³³. Известно, что он не принимал никакого участия в церковном строительстве во Владимирской земле, так что выражение «умножил церковь» (или «церкви») говорит о другом. Суть этого обвинения, видимо, можно раскрыть, исходя из более поздней аналогии. Так, назначенный в 1485 г. на архиепископство в Новгород Геннадий Гонзов, стремясь поднять и упрочить поступление архиепископской подати с церквей, провел в Новгороде и Пскове скрупулезную перепись всех церквей с их приделами и престоломи, чтобы ни один из престолов не избежал обложения. Псковичам это напомнило татарское «число», они «не дашася в волю его», а стригольник Захар рассылал по-

²⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 352.

²⁹ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 359.

³⁰ Ср. в Никоновской летописи под 1157 г.: Андрей «мышляше в себе еже бы како митрополии быти в Ростове или в Суздале, или паги град велий воздвигнути Володимерь, его же созда блаженныи и великий князь Владимирь, иже крести всю Русскую землю» (ПСРЛ, т. IX, стр. 209).

³¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 239. Вторая версия Никоновской летописи (т. IX, стр. 225), что Федор был родственником смоленского епископа — грека Мануила, видимо, поздний домysel. Маловероятно, чтобы, задумывая освободиться от греческой зависимости, Андрей взял для этой цели грека. П. Соколов. Указ. соч., стр. 100—101. См. также В. Н. Татищев. История Российская, кн. III. М., 1774, стр. 167; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 238—239. О Петре Бориславиче см. Б. А. Рыбаков. Боярин-летописец XII века. «История СССР», 1959, № 5, стр. 56—79.

³² ПСРЛ, т. I, стб. 349; т. II, стб. 493.

³³ П. Соколов. Указ. соч., стр. 96.

слания, обличавшие корыстолюбие Геннадия³⁴. Вероятно, и Леон произвел подобную операцию — учет каждого придела, которых некоторые церкви имели несколько, чем явно «умножил» количество облагаемых епископской податью объектов, ударив не только по низшему духовенству, но и по его пастве, поборы с которой возрастали. Возможно, что непосредственной причиной алчности Леона было то, что он занял кафедру при помощи «мзды» митрополиту и теперь стремился скорее возместить немалые расходы, что и вызвало сопротивление «ростовцев и суздальцев». Видимо, действительно их протест принял довольно широкие масштабы, подняв и низшее духовенство, и горожан. «Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует *gouvernement à bon marché*, дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего *église à bon marché*, дешевой церкви»³⁵. Этим движением, очевидно, и воспользовался Андрей, изгнавший Леона. Конечно, это был лишь повод для освобождения от надзора греческого агента.

В 1160 г. была закончена постройка владимирского Успенского собора, которому Андрей торжественно дал обширные земельные владения и десятину с доходов, явно подражая строителю киевской митрополичьей Десятинной церкви Владимиру Святославичу. Никоновская летопись сообщает, что Андрей собрал по этому поводу большое совещание и «глагола князем и боаром своим сице: „град сей Владимирь во имя свое созда святыи и блаженный великий князь Владимир, просветивый всю Русскую землю святым крещением, ныне же аз грешный и недостойный, божиею благодатью и помощию пречистыа Богородици разширих и вознесех его наипаче, и церковь в нем создах во имя пречистыа Богородица святого и славного ея Успения, и украсих и удоволих имением и богатством, и властью, и селы и в торгах десятыя недели, и в житех, и в стадах, и во всемь десятое дах Господу Богу и пречистей Богородице: хощу бо сей град обновити митропольею, да будеть сей град великое княжение и глава всем“. И сице возлюбиха и боаре его все тако быти»³⁶. О созданной владимирскими писателями легенде об основании Владимира не Мономахом, а Владимиром Святославичем мы говорим в специальной работе. Здесь же для нас важно подчеркнуть связь сооружения Успенского собора с утверждением церковного и политического главенства молодой столицы — Владимира — на Руси.

Нельзя не отметить, что в том же году, когда был достроен Успенский собор, претендовавший на то, чтобы перенять кафедральные права ростовской епископии, Ростов был истреблен страшным пожаром, в котором погибла и епископская кафедральная церковь — «чудный» дубовый собор, построенный еще епископом Леонтием³⁷. Совпадение двух фактов наводит на мысль, что пожар Ростова не являлся случайным, а был связан с борьбой за политический и церковный приоритет Владимира. Данные

³⁴ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 188.

³⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 361.

³⁶ ПСРЛ, т. IX, стр. 222. Нельзя не отметить, что подчеркнутые в приведенной цитате слова Андрея очень близко напоминают текст византийского «Слова» Георгия о чуде 860 г. с отражением русов от стен Царьграда, где автор, отмечая изобилие здесь богородичных храмов, особо говорит о Влахернском храме: среди других он является «как бы некоею главою и митрополиею... он есть акрополь сего царствующего града, в котором все прибегающие в опасностях спасаются...». Хр. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы богородицы во Влахернах в новом истолковании... ВВ, II, вып. 4, 1895, стр. 588—590.

³⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 351.

«Жития епископа Леонтия» свидетельствуют, что Андрей сначала не соби́рался строить на месте сгоревшего ростовского собора новый большой каменный храм. По его указанию была заложена маленькая белокаменная церковь: «и бе церковь основана мала, и начаша людие молитися князю, дабы повелел боле церковь заложити, едва же умолен бысть повеле воле их быти». Новый белокаменный собор превосходил по величине владимирский собор³⁸. Этому способствовало открытие «мощей» епископа Леонтия, почитание которого было использовано Андреем как в борьбе с Ростовом, так и для доказательства прав северной церкви на самостоятельность.

Мы не знаем, где в это время находился изгнанный епископ Леон. Под 1162—1163 гг. в Лаврентьевской летописи зияет отмеченный выше выразительный пробел. И лишь под 1164 г. мы находим суммарную запись о волнующих событиях этих лет: о поднявшейся в этом году «ереси Леонтианьской» и о занятии Леоном суздальской кафедры «не по правде» при жизни Нестора; о неудачном для Леона споре о постах в господские праздники в среду и пятницу с намеченным князем на епископский стол Федором; о поездке Леона в Царьград «на исправленье» и новой неудаче в диспуте о постах перед лицом «цесаря Мануила». Приведя эту историческую справку, летописец отметил, что вспомнил обо всем этом для верных людей, чтобы они не впадали в соблазн «о праздницех божиих»³⁹.

Едва ли можно согласиться с предположением М. Д. Приселкова⁴⁰, что текст 1164 г. о «Леонтианьской ереси» был внесен уже при цензурном просмотре владимирского свода 1177 г. по указанию киевского митрополита, как и рассказ о гибели епископа Федора под 1169 г. (о последнем см. ниже). Текст 1164 г. отражает провал митрополичьего ставленника грека Леона в его борьбе с епископом Федором и дальше в споре перед лицом императора Мануила. Этот рассказ шел вразрез с интересами митрополита.

Новые детали о тех же событиях сообщает Ипатьевская летопись, помещая свой рассказ под 1162 г. Здесь изгнание Леона связано с удалением Андреем своих братьев и племянников вместе с «передними мужами» Юрия Долгорукого. Оказывается, Андрей скоро одумался, вернул Леона и продержал его на епископии четыре месяца. Тут-то и возник знаменитый спор о постах, после чего Андрей и изгнал Леона. Тот ушел сначала в Чернигов, а затем в Киев⁴¹.

События, освещенные в этих двух летописных рассказах, разворачивались следующим образом. Леон после своего изгнания, видимо, скоро вернулся и нашел приют при суздальском дворе вдовы Долгорукого и мачехи Андрея княгини-гречанки, где она жила с младшими сыновьями Юрия. Вероятно, вокруг княгини группировались недовольные политическим курсом Андрея старые бояре, члены княжеской думы — «передние мужи» Юрия. В Суздале образовалась крайне опасная для планов Андрея группировка, которую усиливал теперь опальный грек Леон. Он, очевидно, нашел поддержку и сочувствие княгини-гречанки и мог в своих интересах опереться на ее родство с императорским домом. Эта комбинация усиливала линию церковного сопротивления Андрею. Едва ли «передние мужи» были особенно заинтересованы в церковных делах,

³⁸ А. А. Титов. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893, стр. 7; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, стр. 187.

³⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 351—352.

⁴⁰ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись. УЗ ЛГУ, № 32, 1939, стр. 106—107.

⁴¹ ПСРЛ, т. II, стб. 520. Сопоставление данных Киевского и Владимирского сводов сделал К. Н. Бестужев-Рюмин («О составе русских летописей до конца XIV в.». СПб., 1868, стр. 127—128).

но их связывала с Леоном и княгиней общая вражда к Андрею, который, по-видимому, сразу же проявил свои самовластные намерения по отношению к боярской знати. Как показывают дальнейшие события, эта антикняжеская группировка имела поддержку за рубежами Владимирской земли, почему была особенно опасна. Андрей и решил покончить с ней одним ударом.

Высылка мачехи-гречанки с младшими братьями Андрея и думными боярами Юрия была лишь одновременной с изгнанием Леона. Его удалили отдельно от единомышленников, так как он был вскоре возвращен Андреем. Конечно, причина этого — не раскаяние в греховности насилия над епископом (Андрей якобы «покаялся от греха того»); Андрей, видимо, спохватился, что для изгнания Леона не было достаточных оснований, — епископ, в сущности, не был ни в чем обвинен, и нужен был хотя бы формальный «состав преступления». Для исправления этого промаха и вернули Леона. Возможно, инициатором этого ловкого хода явился нареченный епископ Федор, который и выступил потом главным обвинителем своего соперника. Любопытно, что Андрей вернул Леона «в Ростов, а в С у ж д а л и не да ему сяди и держа в 4 месяца в епископии»⁴². Как в сообщении о том, что Леон в 1158 г. «поставился С у ж д а л ю» и что Нестор был «пискупом С у ж д а л ь с к и м», так и теперь мы видим как бы колебание в отношении епископского местопребывания: вместе с Ростовом резиденцией епископа является и Суздаль. Не было ли у Андрея мысли о разделении епархии под главенством владимирской митрополии или архиепископии?

Видимо, Андрей и Федор хорошо знали взгляды Леона на вопрос о порядке постов. Можно ли есть мясную и скоромную пищу в постные дни среду и пятницу, если на них придется господские или богородичные праздники? На эту тему спорили в самом Царьграде. Более строгий порядок поддерживал патриарх, более мягкую практику защищали на Афоне и в киевском Печерском монастыре⁴³. Страстность этих споров вокруг, казалось бы, узкого вероисповедного вопроса на Руси свидетельствует, что, в частности, в нем олицетворялась византийская «игемония» и усиление борьбы с ней. Леон придерживался крайне строгих взглядов, превосходя самого патриарха. По-видимому, Леон выразил свои взгляды публично на одном из княжеских обедов, где был скромный стол, чем и вызвал гнев Андрея. Для разбирательства Андрей собрал «местный церковно-земский собор, состоявший из священников и всех людей»⁴⁴, где произошел диспут, на котором владыка Федор и «упрел» Леона, признанного повинным в ереси. Здесь характерно, что Андрей второй раз смело берется решать церковные дела средствами светской власти. Как и первое изгнание Леона в 1159 г. происходит по инициативе «ростовцев и суздальцев», т. е., видимо, веча и князя Андрея, так и теперь спор Леона с Федором идет «пред благоверным князем Андреем и предо всеми людьми», т. е. опять-таки перед светским синклитом. В этом Андрей опирался на канонические правила о правах византийского императора, который мог назначать гражданского судью, чтобы судить епископа или другое посвященное лицо, привлекаемое к суду, или заменить церковный суд светским⁴⁵. Что владимирский собор был правомочен судить Леона,

⁴² ПСРЛ, т. II, стб. 520.

⁴³ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I, ч. 2, стр. 468; П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 106—107; А. А. Ш а х м а т о в. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897, стр. 37—38.

⁴⁴ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I, ч. 2, стр. 468.

⁴⁵ А. П. Л е б е д е в. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. М., 1902, стр. 108.

свидетельствует и грамота Луки Хризверга, упоминающая, что его дело разбиралось «во своем тамо у вас соборе», т. е. на соборе во Владимире.

Судя по выражению летописца — «вста ересь Леонтианская», — узкий церковный спор о постах как-то задел интересы горожан и вызвал брожение умов. Возможно, что вообще суровая дисциплина постов, утверждавшаяся Леоном, слишком противоречила бытовым традициям этих горожан — недавних язычников ⁴⁶.

После владимирского собора, происходившего в 1164 г., Андрей с полным основанием «п р о т и в у в и н у погна из своей земли» Леона ⁴⁷.

3

Здесь и сказалась связь враждебных Андрею сил внутри Владимирской земли с его внешними противниками. Леон ушел в Чернигов, где Святослав Ольгович, «утешив его добре», переправил изгнанника в Киев к великому князю Ростиславу. Но здесь митрополита не было, и Леон отправился в Царьград. Инициатива этой поездки, видимо, принадлежала Святославу черниговскому и киевскому князю Ростиславу, которые, очевидно, не сомневаясь в поддержке Леона Мануилом, рассчитывали вызвать вмешательство Византии во владимирский конфликт и тем осложнить положение Андрея. Леон нашел императора Мануила в Болгарии, в пути из похода на Венгрию. Во временном императорском лагере оказались русские послы: киевский, суздальский — Илья, переяславский и черниговский. Характерно, что посол Андрея назван на втором месте, а посол Чернигова, оказавшего поддержку Леону, — на последнем (новое свидетельство владимирского происхождения летописной статьи 1164 г.). Съезд послов был вызван вопросом о русской военной помощи Мануилу; по-видимому, был затронут и вопрос о митрополите. Перед лицом Мануила, любителя богословских дискуссий, произошел диспут о постах между Леоном и епископом болгарским Андрианом, который и «упрел» Леона. Сам Мануил был сторонником льготной практики постов, и, видимо, в пылу спора Леон начал поносить императора («молвящую на цесаря»), так что «ударипа слугы цесаревы Леона за шью и хотеша и в реце утопити. . .» ⁴⁸. Леон пошел в Царьград

⁴⁶ Вспомним, что в кругу слов и поучений, направленных церковниками против пережитков язычества, значительное место занимал вопрос о постах. См. Н. Г а л ь к о в с к и й. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913, № 1, 16, 26, 31.

⁴⁷ П. Соколов несколько иначе и подробнее реконструирует ход изложенных событий. В праздник рождества 1163 г., приходившийся на постный день — среду, Андрей по совету Федора устроил пир для своих бояр; Леон, приглашенный к столу, увидев скоромные, мясные яства, публично и резко указал князю на недопустимость этого по греческим правилам. При стечении большого числа гостей и придворных Федор вступил в спор с Леоном и «упре его». По-видимому, Леона поддержали Андреева матеиха-гречанка и его младшие братья вместе с некоторыми старыми боярами — «передними мужами» Юрия. Они, видимо, отказались от княжеского обеда, вызвав вспышку ярости оскорбленного Андрея. Это и было формальным поводом к их изгнанию. Леона же Андрей послал в Ростов. В 1164 г. Андрей хотел смягчить дело и пригласил Леона в Суздаль, снова поставив перед ним вопрос о разрешении от поста по средам и пятницам праздничной пасхальной поры. Но Леон снова ответил запретом и был теперь решительно изгнан из Суздальской земли (П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 103—104).

⁴⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 352; П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 129. По словам Никиты Хониата, Мануил Комнин «любил перетолковывать то, что правильно уяснено отцами церкви». Однажды он предложил архиереям сделать изменения в чине оглашения, но встретил среди них несочувствие своему намерению, за что «осыпал архиереев бранью и назвал их всесветными дураками» (С а в в а. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901, стр. 67). Тем церковникам, которые не соглашались с мн-

к патриарху, куда поехал и суздальский посол с хлопотами о владимирской митрополии.

Как явствует из патриаршей грамоты, посол Андрея доставил в Царьград несколько документов. В первом послании Андрей извещал о своем большом церковном строительстве, в особенности во Владимире, и ставил вопрос о новой владимирской митрополии, предлагая своего кандидата Федора: «Сказывает же нам писание твое, иже град Володимерь из основания воздвигл еси велик со многом человек, в нем же церкви многи создал еси; не хоцещи же его быти под правдами епископы Ростовския и Суждальския, но обновити е митрополиею и поставити от нас в нем митрополита, тамо сущего у благородия твоего Федора». Вместе с этим посланием посол привез несколько актов, определявших обвинения, предъявленные Леону на Владимирском соборе. Однако обстановка в Царьграде была в высшей степени неблагоприятна для Андрея. Изгнание им матеихи-гречанки с его младшими братьями, хорошо принятыми в Византии, насторожило императора. Патриарх же не согласился разбирать дело Леона, минуя суд киевского митрополита, и дело вновь вернулось на его рассмотрение.

В 1165 г. в Киев прибыл новый патриарший ставленник, митрополит Иоанн, в сопровождении императорского посла с богатыми дарами Ростиславу — это была плата за отказ от попытки вернуть на престол Климата Смолятича и аванс с целью получения русской военной помощи против венгров. Ростислав пошел навстречу Мануилу в обоих вопросах. Суд по делу Леона и явился первым мероприятием Иоанна. На соборе «пред великим князем всеа Руси» обвинения Леона излагались послом Андрея («пришедшим о том неким мужем благородия твоего», как сказано в грамоте Хризоверга). Леона оправдали («оправлен убо сий епископ своим собором»). Патриарх был информирован о действиях собора грамотой митрополита Иоанна и епископов, сообщением участвовавшего в соборе «самого посла державнаго и святаго нашего царя» и «от иных многих», т. е. из других донесений о происходящих на Руси событиях. Возможно, что одним из таких информаторов был епископ туровский Кирилл.

Вопреки приговору митрополичьего суда, Андрей упорствовал, не допускал Леона на епископию и оставался со своим любимцем — нареченным владыкой Федором. Смелые мероприятия Андрея и Федора по церковно-политическому возвышению Владимира дерзко нарушали интересы не только других русских князей и киевского митрополита, но и самого «Восточного Рима». Это и вызвало острую полемику Андрея и Кирилла Туровского.

По-видимому, в связи со своей церковной политикой Андрей обратился к Кириллу с посланием об интересовавших его вопросах церковного права и догмы, и Кирилл, по словам его Жития, «Андрею Боголюбскому князю многа послания написа от евангельских и пророческих указаний, и яже суть на праздники Господския слова и ина многа душеполезная словеса и си вся и ина множайшая написа и церкви предаде»⁴⁹. Это были, видимо, советы по поводу той церковно-литературной работы, о которой мы говорили выше. В каком тоне и о чем писал Андрею туровский епископ специально по делу Федора, ясно говорит другое место того же проложного жития Кирилла: «Федорца же, еретика епископа, за укоризну

нием Мануила, он грозил отлучением от сана (А. П. Лебедев. Указ. соч., стр. 135). Андрей Боголюбский был во многом похож на своего византийского современника.

⁴⁹ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 805, прим. 1.

так о нарицаемого, сего блаженный Кирилл ересь обличит и проклятит его. . .»⁵⁰.

Из обличительных «слов» Кирилла туровского, направленных против Федора (если полагать, что их было несколько), известна «Притча о человечестве души и о телеси, о преступлении божия заповеди, и о воскресении телес человек, и о будущем суде, и о муце». В этой притче остроумно использован сюжет о слепце и хромце, о том, как господин поставил их охранять свой виноградник и как они решили обокрасть «вся благая» их хозяина: слепой посадил хромого на плечи, они обокрали сад, но господин узнал об этом и изгнал обоих. Под слепцом весьма открыто разумелся Андрей, споспешествовавший хромцу — Федору⁵¹.

Внимательно вчитываясь в текст притчи и разбирая сложный смысл ее символических толкований и отступлений, можно извлечь из этого источника больше, чем это было сделано, и получить новые данные для истории епископа Федора и новые черты его облика. Кирилл, видимо, не напрасно направляет искусно отточенные стрелы своего поучения против тщеславных, которые угождают большим людям, а многих меньших презирают своей «буестью»; бог отнимает у таких гордецов данный им «талант». Но ничто так не мерзко богу, как самоуверенная гордость того, кто дерзнет взять на себя духовный сан «не о бозе», — вот основной мотив поучения Кирилла⁵². Он подчеркивает, что одному из героев притчи уподобляется некий церковник, который «через закон [т. е. помимо закона]. . . священническаа ищетъ взяти сана» и который, будучи недостойн даже иерейства, «имени делея высока и славна житиа, на епископский взыти дерзну сан». Собственно, из этого пренебрежения Федора к законному пути посвящения в епископский сан, из его «самозванства» Кирилл выводит мысль и о его ереси — «разумном грехе». Никто из правоверных не дерзнет принять священнический сан «не о бозе», т. е. не по церковным правилам, так как все правоверные боятся кары своей душе на «Страшном суде». Так дерзновенно преступать церковные каноны может только человек, считающий свою душу «суетным паром», который развеет ветер, и не думающий о воскресении мертвых. «Горе в разуме согрешающим!» — восклицает Кирилл. «Древа разумения зла и добра» вкусил Адам и был изгнан из рая, того же древа вкусили еретики, которые думали, что своей злохитростью знают правый путь души, но заблудились и без покаяния погибли. Отсюда рукой подать до отрицания бессмертия души! Есть единственный путь спасения — раскаяние в совершенном грехе, отлучение от сана и изгнание лживого епископа. К этому ведут все витиеватые доказательства и толкования Кирилла. Рассказав о печальном финале истории о слепце и хромце, Кирилл угрожающе восклицает: «Разумейте же ныне, безумнии сановници и буи в иереих! Когда умудритесь? Господь бо. . . изметает нечестивых из власти, изгонит и нечестивыя от жертвенника, никый же бо сан мира сего от муки избавит, преступающих божия заповеди».

Из этого литературного памятника, являющегося настоящим публицистическим произведением Кирилла, совершенно ясно, как реагировали крупнейшие деятели церкви на деятельность Андрея и Федора. Кириллу была ясна «историческая ценность» названных выше созданных во Влади-

⁵⁰ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 442, прим. 1.

⁵¹ И. Еремин. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности. ИОРЯС, т. XXX, 1925. Цитируем «Притчу» по списку сборника Чудова монастыря. Отдел рукописей ГИМ, № 40.

⁵² А. И. Клибанов видит основной нерв полемики Кирилла туровского в обличении «недостойнства» священников, претендующих на славу и власть (А. И. Клибанов. Реформационные движения..., стр. 95—96).

мире произведений, идейно обосновывавших притязания Андрея и Федора. Именно поэтому он не стесняется сопоставить Андрея и Федора «буих» «сановника» и «иерея» с обманщиками и ворами — «хромцом и слепцом». Вот в чем была главная сила его символического обличения.

Это говорит также и о глубине разбушевавшихся политических страстей, развязанных владимирскими владыками и взволновавших русскую общественную мысль. Кирилл, призывая прислушаться к выводам его притчи, в то же время предвидит и такого читателя, который «зол слух имать» и «не ищет, что бы ему на ползу обрести, но зазирает чимже бы нас потязал и укорил». Иными словами, идеи, лежавшие в основе политики владимирского князя и владимирской церкви, встречали не только противников, но и таких сочувствующих, которые могли со знанием дела разобраться в «притче» Кирилла и выступить с возражением и упреками. Думаем, что таким оппонентом был прежде всего сам князь Андрей. На позицию Кирилла мог оказать влияние туровский князь Юрий Ярославич, стоявший во время усобицы Долгорукого и Изяслава на стороне Долгорукого и стремившийся помешать ее мирному разрешению.

Не принятый Андреем и после митрополичьего суда, Леон теперь, «надеяся на свою правду», обратился вновь к патриарху.

Около 1168 г. и состоялось решение по его делу — спору о постах и по вопросам, поставленным в посланиях Андрея 1164 г., — изложенное в грамоте Хризоверга.

В своем требовании об открытии новой владимирской митрополии Андрей мог опираться на законы Юстиниана, которые в Византии были уже забыты, так как митрополитов назначал уже патриарший синод⁵³. Поэтому на ходатайство о митрополии патриарх ответил решительным отказом: «а еже отгяти таковый град [т. е. многолюдный и богатый Владимир] от правды [т. е. от юрисдикции] епископы Ростовския и Суждалския и быти ему митрополию, — не мощно есть то». Этого якобы не допускают «божественные и священные правила», так как Владимир — город «не иная страны есть ни области, не ново бо есть зашел к любви и к твоему княжению», но принадлежит тому же наследственному владению Андрея, где «едина епископыа была издавна и един епископ по всей земле той, ставим же по временом священным митрополитом всеа Руси, иже есть от нас святые и великия церкви ставим и посылаем тамо». В Царьграде отчетливо поняли всю опасность планов Андрея, стремившегося разорвать традиционную цепь субординации византийской и русской церквей. Е. Голубинский замечает в этой связи, что патриарший отказ в сущности не имел под собой никаких канонических оснований⁵⁴. Осуществление «зависимости русской церкви от константинопольской через посредство избранных в Константинополе ставленников было удобнее при сохранении единства русской митрополии»⁵⁵. Серьезность положения заставила патриарха и собор пренебречь юридическими тонкостями, глухо пригрозив, что никто не смеет нарушить целостность системы митрополий и епископий, если не хочет быть отлучен от церкви («аще не странен от бога хочет быти»). Определения, изложенные в грамоте Хризоверга, имели не только местное значение для владимирского конфликта. Они еще раз недвусмысленно отвергали право русских князей избирать своего митрополита, который должен ставиться только патриархом из греческих церковников. Отказ в особой владимирской епископии подчеркивал, что Византия настаивала

⁵³ П. Соколов. Указ. соч., стр. 118.

⁵⁴ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 331.

⁵⁵ В. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 7, 10—12; М. Д. Приселков. Летописание, стр. 76—77.

на независимости епископа от князя. Все это очень умаляло политическую и церковную самостоятельность русских князей ⁵⁶.

Что касается обвинений Леона, изложенных в грамотах Андрея («на них же бяху обинныи вины на боголюбиваго епископа твоего»), то они «явилася некрепка, якоже бы епископу спакостити», т. е. были якобы по существу клеветой, что выяснилось уже на митрополичьем соборе в Киеве. Этого решения патриарх не стал пересматривать, так как «священные правила не велят нам того творити: иже велят коемуждо епископу своим собором судитися». А на патриаршем суде Леон якобы «в оправду силно по правилам отвечал есть». Патриарх выражал надежду, что Андрей не станет «ся противити суду всех святитель и нашему смирению» и вернет Леона. Он разрешал, если того хочет Андрей, чтобы Леон жил не в Ростове, а во Владимире. Однако здесь рядом с Андреем жил и действовал его избранник «ложный епископ» Федор, о чем с бесспорностью свидетельствует замечание в рассказе о его казни, что бог и богородица совершили чудо, изгнав «лжяго владыку Федорца из Володимеря от с в я т ы я Б о г о р о д и ц я церкви Златоверхыя» ⁵⁷. Было совершенно ясно, что Андрей, стремившийся вообще удалить из Владимирской земли епископа-грека, не мог желать иметь его рядом в своей столице. Поэтому следом за этим жестом любезности Хризверг угрожал Андрею, что если он станет «гонити» Леона, «повинуяся инем чрес закон поучением», то сколько бы храмов он ни построил, — «то не церкви, то хлеви, ни единая же ти будеть мзды и спасения. . . ».

Последующий текст патриаршей грамоты, известный по редакции Никоновской летописи, дополнительно освещает владимирские события. Патриарх считал, что гонение на Леона Андрей проводил только ради своего ставленника Федора, защищавшего противоречащую церковным правилам практику постов «и иная многая грубая и несмысленная творяще и учаше. . . Воистину убо сей совершенна смысла отпаде и разум погуби». Хризверг требовал, чтобы Андрей отстранил Федора и заставил его идти с повинной к епископу Леону. Если же Федор будет упорствовать и «учнеть, тамо пребывая, церковныя смущати и мльвити вещи, и укоризны и досады на епископа наводити», то патриарх грозил отлучением от церкви не только Федору. В этом случае, писал патриарх, мы отлучим не только его, «но и единомысленники и споспешьники и сопричастники его вся, послушающих чреззаконных его поучений». Угроза отлучения, видимо, нависала и над самим Андреем ⁵⁸.

4

Однако и теперь Андрей не отказался от своих планов, полагая, что при отказе в митрополии вопрос о назначении епископа на новую епископию может осуществить митрополит, как это было с отделением смоленской епископии и образованием епископии в Галиче ⁵⁹. Поэтому он настаивал на поездке Федора к митрополиту. Федор же, видимо, ясно понимал безнадёжность и опасность этого хода: митрополит, оправдавший Леона, мог изменить свою позицию лишь за огромную взятку. Здесь начинался конфликт Федора с князем.

⁵⁶ П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 137, 141.

⁵⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 355.

⁵⁸ Грамота Луки Хризверга полностью опровергает предположение некоторых исследователей, что Федор якобы был в Царьграде и добился посвящения в архиепископский сан (см., например, Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I, ч. 2, стр. 468, прим. 1). Патриарх продолжал поддерживать своего ставленника Леона.

⁵⁹ П. С о к о л о в. Указ. соч., стр. 132.

С этим мы должны обратиться к летописному рассказу о гибели Федора. Это, собственно, даже не рассказ, а озлобленное посмертное обличение, направленное против сраженного врага, чья память еще пугает и должна быть искажена. Этого автор достиг при помощи тяжких обвинений Федора и со вкусом описанной чудовищной казни, поучительно грозной для единомышленников Федора. Приводим эту вставку в переводе почти целиком ⁶⁰:

«В тот же год чудо сотворил бог и святая богородица новое во Владимире городе: изгнал. . . злого, и пронырливого, и гордого обманщика лживого владыку Федора из Владимира от Златоверхой церкви святой богородицы и от той всей Ростовской земли. Не захотел [Федор] получить благословения [от митрополита], удалялся от него, и так этот нечестивец не захотел послушаться христоролюбивого князя Андрея, велевшего ему идти ставиться к митрополиту в Киев. . . Бог, когда хочет показнить человека, отнимает у него ум, так и над этим сотворил бог, отняв у него ум. Князь же хотел ему только добра. Этот же [Федор] не захотел поставления от митрополита, но и церкви все во Владимире затворил, и ключи церковные взял, и не было ни звона, ни пения по всему городу. [Так же] и в соборной церкви, в которой чудотворная мать божия и все другие ее святыни. . . , и эту церковь [Федор] дерзнул затворить и так разгневал бога и святую богородицу, и был изгнан месяца мая в 11 день на память святого Ивана Богослова. Много пострадали от него люди в его правление, и сел лишились, оружия и коней, другие же попали в рабство, заточение и были ограблены. Не только простым людям, но и монахам, игуменам и иереям он был беспощадным мучителем: одних он обезглавливал или резал [им] бороды, иным выжигал глаза и вырезывал язык, иных распинал на стене, мучая немилостиво, стремясь овладеть всех их имением: имением же он не мог насытиться, подобно аду. Послал же его Андрей к митрополиту в Киев; митрополит же Константин обвинил его во всех преступлениях и повелел его сослать на Песий остров, и там его „осекоша“ и отрезали язык, как злодею еретику, отсекли правую руку и ослепили, так как он произнес хулу на святую богородицу. Грешники истребятся на земле, как будто их не было. . . Так же и этот [Федор] не имел покоя до последнего издыхания, — уподобившийся злым нераскаявшимся еретикам погубит свою душу и тело. И погибла память его с шумом — так чтут бесы почитающих их; так и этого довели бесы, вознеся мысль его до облаков, и сделав из него второго Сатанаила, и сведя его в ад. Обратилась болезнь на главу его, и на верх его снизошла неправда: ров изрыл, ископал яму и сам упал в них. Так зло испроверг он свою жизнь».

Далее следует молитва «кротких людей» Ростовской земли, «озлобленных. . . от звероядивого Федорца» и погибающих от него, богу, спасшему их «рукою крепкой, мышцей высокой, рукой благочестивою царскою правдивого благоверного князя Андрея». «Это мы написали, — заключает автор свой текст, — чтобы некоторые не насакивали на святительский сан, но только те, кого позовет бог. . . Кого благословят люди на земле — будет благословен, а кого люди проклянут — будет проклят. Так и этот Федорец — не захотел благословения и удалился от него: злой зло и погибнет».

Этот текст столь полон злости и желчи, что и теперь способен волновать своей горячей напряженностью. Невольно кажется, что его автор только что вычеркивал неугодные записи летописи и затем, удовлетворенный, внес свой отравленный ядом ненависти рассказ. Самое место этого памфлета в Лаврентьевской летописи под 1169 г. указывает на его вставку.

⁶⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 355—357; т. II, стб. 551—554.

Он разъединяет сообщение о посадении Мстиславом в Киеве своего дяди Глеба Юрьевича и явно следовавший за ним пространный рассказ о покровительстве Глебу богородицы Десятиной в походе на половцев — сюжет, говорящий и здесь о богоизбранности владимирской династии и ее членов. Еще более очевидна случайность помещения памфлета в киевской летописи под 1172 г., так как митрополит Константин II, казнивший Федора, занимал престол до 1169 г. Следовательно, и самая поездка Федора в Киев, и его казнь не связаны с 1169 г., а относятся к более раннему времени. Текст в обоих вариантах почти идентичен; только в Ипатьевской летописи есть опущенная Лаврентьевской подробность, что Федор был сослан на Песий остров, где и погиб от руки митрополичьего палача.

Рассказ о казни епископа Федора привлек внимание С. М. Соловьева, назвавшего его «страшным явлением» в истории русской иерархии. Приведя полностью текст сказания, исследователь полагал, что летописный рассказ представляет собой переработку послания киевского митрополита, сделанную составителем летописи. К истолкованию истории Федора Соловьев привлек показания Никоновской летописи о намерении Андрея организовать независимую от Киева митрополию, в чем встретил отказ патриарха. Федор не захотел подчиниться митрополиту, не покорился решению патриарха и затворил церкви во Владимире, и князь Андрей послал его насильно в Киев. Впрочем, Соловьев не отрицал вероятности показания Никоновской летописи, что Федор был поставлен патриархом на епископию, но не захотел идти на благословение к киевскому митрополиту. Историк отметил также сомнительность данных о злодействах Федора над «кроткими» ростовцами и о разрыве его с князем Андреем ⁶¹.

М. Д. Приселков согласился с гипотезой Соловьева и развил ее, указав, что во владимирский свод 1177 г. попало изложение следственного дела о епископе Федоре, который рассматривался в качестве политического (а не церковного) преступника перед лицом императора и заслужил, как таковой, жестокую смертную казнь. Как полагает исследователь, первоначально в своде 1177 г. была только краткая запись об изгнании Федора. Пространное же изложение его преступлений и казни было внесено по требованию митрополита. Указание писца этого текста: «се же списахом», показывает, что он имел перед собой какой-то письменный документ, который и изложил в своде ⁶². Обращают на себя внимание некоторые детали, указывающие на связь этого летописного текста с рассмотренной нами выше грамотой Луки Хризоверга. Так, характерно, что и здесь, и там к Федору применена одна и та же характеристика. В летописи он «злой и пронырливый, и гордый лстец, ложный владыка». В патриаршей грамоте он «льстивый и пронырливый человек». В летописи глухо сказано, что Федор «хулу измолви на святую богородицу», а в грамоте подробно разбирается вопрос о священности «девства». Очевидно, что при составлении летописного памфлета на Федора использовались официальные документы по его делу. Вспомним, что автор «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» Микула также использовал следственные материалы о боярском заговоре и убийстве Андрея ⁶³.

Во введении к неосуществленному изданию летописных повестей, где был приведен и интересующий нас рассказ о ереси и изгнании Федора,

⁶¹ С. М. Соловьев. Взгляд на состояние духовенства в древней Руси до половины XIII в. «Чтения ОИДР», 1847, № 6, стр. 9—13; см. также И. П. Хрущев. Древнерусские исторические повести и сказания XI—XIII столетия. Киев, 1878, стр. 132; К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 134.

⁶² М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись, стр. 106—107; его же. Летописание, стр. 77.

⁶³ Анализ летописной «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» дан нами в специальном исследовании.

С. А. Бугославский писал, что этот текст «отражает наиболее ярко и обнаженно эпизод многовековой борьбы в среде высшего духовенства»; здесь «епископ Федор пренебрежительно назван Федорцем». «Рассказ базируется, несомненно, на официальном приговоре; написан он владимирцем, по-видимому, лицом духовного звания. Церковная борьба, кончившаяся осуждением епископа Федора, возникла в тесной связи с соперничеством Владимира и Ростова, с борьбой между братьями и племянниками Андрея Боголюбского. Рассказ о Федоре носит характер суровой обличительной проповеди, направленной против „лживого владыки Федорца“; помимо воли автора последний бичует не одного Федора, но дикие нравы всего духовенства, подрывая его моральный авторитет. Епископ Федор применил впоследствии часто повторяющуюся меру борьбы духовенства — закрытие церквей; он совершал ограбления, он заточал, пытал и казнил. Но не это основная вина епископа Федора по летописному рассказу — все его злоключения произошли от того, что он воспротивился воле князя Андрея Боголюбского и не пошел на поставление к киевскому митрополиту. Изгнание епископа Федора наивно-цинично изображено как сверхъестественное чудо»⁶⁴.

Страстность и ярость рассмотренного текста, его неприкрытая тенденциозность и злобный гиперболизм подрывают наше доверие к его сведениям и требуют осторожности в их использовании.

Конфликт Андрея и Федора здесь, видимо, сильно преувеличен. Как грамота Хризверга, так и притча Кирилла туrowsкого очень ясно стремятся разъединить Андрея и Федора, обличая их общий «грех» против церковных преданий и правил. Федор мог возражать князю, спорить с ним, но едва ли Андрей, столь долго отстаивавший своего любимца, мог попросту предать его. В сущности никакого «изгнания» Федора не было. Федор упорно отвергал предложение Андрея идти в Киев на поставление к митрополиту. Этот мотив автор текста вспоминает не раз — это болезненное место и главное преступление. Федор, видимо, отлично понимал, что митрополит, только что оправдавший Леона, даже за крупную «мзду» не согласится рукоположить его противника. К тому же дело Федора так долго волновало Русь и патриарха, что никакой надежды на успех не было. Князь же настаивал на его поездке в Киев, вовсе не желая освободиться от Федора и не считая, что дело уже проиграно. Даже автор изложенного выше памфлета счел нужным отметить, что, решаясь на посылку Федора в Киев, «князю же о немь добро мыслящю и добра ему хотящю». Возможно, что, протестуя против княжеского решения, Федор и пошел на такую меру, как интердикт, наложенный им именно на владимирские церкви и даже на Успенский собор с его Владимирской иконой. Здесь, как говорится, нашла коса на камень, и Андрей, может быть, применил силу и отправил Федора в Киев⁶⁵.

Однако оправдались худшие опасения Федора. Митрополит Константин II «обини его всеми винами и повеле его вести в Песий остров и тамо его осекоша и языка урезаша, яко злодею еретику, и руку правую отсекоша, и очи ему выняша, зане хулу измолви на святую богородицу»⁶⁶.

В чем заключалась «хула» Федора на богородицу, памфлет не объясняет. Грамота Хризверга содержит обширные доказательства преимуществ

⁶⁴ Рукопись С. А. Бугославского в архиве Н. К. Гудзия, л. 38—39. Последние две фразы восстанавливаем, так как угол л. 39 наполовину оборван.

⁶⁵ По образному выражению Б. А. Романова, Федор «выскочил из упряжки, в которой до того шел дружно с князем, не сумев вовремя остановиться в тот момент, когда князь решил прекратить добиваться церковной самостоятельности за безнадежностью этого дела в Константинополе. На этом Федор и сломал себе шею» (Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 199).

⁶⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 552—553.

«девства» над браком. Этот мотив обычно истолковывается как опровержение взглядов Федора, который, будучи простым священником, покинувшим свой приход («лишившаяся в ней же церкви поставлен»), не был монахом и, даже будучи наречен епископом, не оставил жены, понося монашество и защищая честный брак. В этом смысле он не был оригинален — в самой Византии некоторые епископы не покидали своих жен⁶⁷. Не был ли затронут Федором в пылу этих споров и догмат о «непорочном зачатии»?

Вторым обвинением, вытекавшим из оправдания взглядов Леона на практику постов, считавшихся в Владимире «ересью Леонтианьской»⁶⁸, было обвинение в ложных взглядах Федора на этот спорный вопрос. В это же время митрополит «запретил» печерского игумена Поликарпа за ту же льготную практику постов, которая была вменена в вину Федору, как ересь⁶⁹. По словам грамоты Хризверга, Федор «и иная многая грубая и несмысленная творяще и учаще. . . Воистину убо сей совершенна смысла отпаде и разум погуби. . .». О вольнодумстве Федора говорит и рассмотренная выше притча Кирилла туровского, который очень ловко подводил деяния Федора чуть ли не к отрицанию им бессмертия души.

И, конечно, ярость митрополита отвечала длительному сопротивлению Федора, лишь нареченного князем, но не посвященного ни митрополитом, ни патриархом в епископы, а потому и «лжого владыки» — самозванца, занимавшего при поддержке князя Андрея также не признанную патриархом владимирскую кафедру рядом с законным ростовским епископом Леоном и клеветавшего на него. Если соответствует истине указание летописи на прозвище Федора «белый клобучок»⁷⁰, говорящее о присвоении им знаков митрополичьего достоинства, то «буесть» Федора станет действительно неслыханной. В глазах митрополита Федор не был духовным лицом. Его судили как мирянина, с неслыханной дерзостью поправшего церковные догматы и правила. Отсюда и свирепость его казни, напоминающей аналогичную казнь оклеветавшего в 1055 г. новгородского епископа Луку холопа Дудика или массовую казнь и ослепление восставших в 1068 г. киевлян⁷¹.

Однако изложенных в памфлете обвинений было, видимо, все же недостаточно, чтобы оправдать чудовищную расправу над Федором, и в непосредственном соседстве с описанием казни, предшествуя ему, было внесено пространное описание не менее изысканных злодеяний самого Федора, его ненасытности в грабеже и накоплении сокровищ. Последнее обвинение предшествует фразе о посылке Федора в Киев («именя бо бе не сыт аки ад, посла же его Андрей митрополиту в Киев»). Поэтому весьма вероятно предположение, что алчность Федора была усилена в связи с накоплением казны для взятки митрополиту⁷². Более чем вероятно, что, срочно собирая богатство для этой цели, он не стеснялся в средствах. Характеризуя

⁶⁷ П. Соколов. Указ. соч., стр. 142, 145—147.

⁶⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 351.

⁶⁹ В эту пору борьба Печерского монастыря с митрополитом завершилась успешно для монастыря — он был возведен в независимую от митрополита архимандрию, права которой были закреплены особой грамотой, позднее утерянной. В XVI в. ее попытались восстановить и сочинили подложную грамоту от имени Андрея Боголюбского (А. А. Шахматов. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897, стр. 30, прим. 1). Не является ли эта позднейшая ассоциация о получении монастырем независимости с именем Андрея указанием на поддержку монастырем его церковной политики? (Е. Болховитинов. Описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1831, стр. 167 и сл.; И. Закревский. Описание Киева, т. II. М., 1868, стр. 607—608).

⁷⁰ П. Соколов. Указ. соч., стр. 101; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 80.

⁷¹ ПСРЛ, т. I, стб. 173—174.

⁷² П. Соколов. Указ. соч., стр. 133.

позднейших немецких князей церкви, Ф. Энгельс писал: «Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали еще более бесстыдно. Для того чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаему церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни»⁷³. Эта характеристика может быть отнесена и к русским церковникам.

Перечень злодеяний Федора, однако, связан не только с его роковой поездкой с дарами к митрополиту, а характеризует его деятельность в целом, пока он сидел на владимирской епископии, пока люди были «в держаньи его». Мы знаем, что владимирская церковь была щедро награждена за свою деятельность Андреем. Лучшие села владимирской округи находились в руках епископа Федора, в его казну стекались огромные богатства. Федор был крупнейшим феодалом, и нет оснований думать, что он стеснялся эксплуатировать своих смердов «простыцов». Он являлся в своем роде типичным представителем той жестокой эпохи.

Но дело шло не только о «простыцах». Федор не стеснялся прижимать и самих феодалов, которые лишались сел, оружия и коней, а некоторые попадали и под холопий ярем, и в заточение. К этим сжатым формулировкам первоначальной редакции памфлета Никоновская летопись дает свой комментарий, в сущности развивая древнюю основу рассказа. Федор «нача искати сокровищ богатых, и сих восхищаше, таже и м н о г ы х к н я з е й и б о а р и з м у ч и и имение их восхити»; он якобы даже покусился на очень богатого княжеского «постельничего», которого за сопротивление повелел «стремглав распяти». Перечень казней здесь еще более развернут, возможно, на опыте эпохи Ивана Грозного⁷⁴. При всей своей гиперболичности эти данные памфлета содержат зерно истины. Можно думать, что это не только борьба могущественного князя церкви с его собратьями по классу за расширение и без того обширных владений и умножение сокровищ, но и борьба единомышленника Андрея с княжескими противниками, которая осталась по понятным причинам за пределами летописания «боголюбивого» князя, где лишь в «Повести об убийстве» самого Андрея отразился как единичный случай конфликт князя с Кучковичами; здесь же она всплыла во всей своей жестокой конкретности, придавив своей тяжестью память верного Андреева соратника — Федора⁷⁵.

Памфлет утверждает, что злодеяния Федора касались не только сельского населения — «простыцов» и светских феодалов, — но и монахов, игуменов и священников. Федор и им «безъмилостив сый мучитель». Видимо, и здесь дело было не в простом «восхищении имений», а в той же ожесточенной борьбе, на сей раз с церковными противниками политики Андрея и Федора. Об этой группе оппозиции мы имеем лишь глухое упоминание в «Повести об убийстве Андрея Боголюбского», где мельком сказано, что какие-то «старейшие игумены» сопротивлялись погребению убитого князя⁷⁶.

Что касается перечня мучительств и казней всех этих враждебных людей, то при всей их преувеличенности нельзя ли думать, что Федор учредил нечто вроде инквизиции?

Таковы позитивные данные, какие мы можем извлечь из разобранных памфлета.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 351.

⁷⁴ ПСРЛ, т. IX, стр. 240.

⁷⁵ Там же, т. II, стб. 591.

⁷⁶ Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 440—443.

Трудно избежать соблазна привести характеристику Федора, данную в Никоновской летописи, хотя можно не сомневаться в ее позднейшей редакции, если она не была сочинена целиком: «бе же сей дръзновенен зело и безстуден, не срамляше бо ся сей ни князя, ни боарина, и бе телом крепок зело, и язык имеа чист, и речь велеречиву, и мудрование кознено, и вси его боахуся и трепетаху, никто же бо можаше противу его стоати, неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху. . . и бе страшен и грозен всем, и вси боахуся его и трепетаху; рыкаше бо глас его аки лвов, и величеством бе аки дуб и крепок, и силен, яко от неприязни, и язычная чистота и быстрость преудивлена, и дръзновение и безстудие таково, якоже никогда же никого обиноватися, но без сомнения наскакаше на всех и мучаше отнюдь без милости. . .»⁷⁷. Видимо, действительно это был умный, властолюбивый, смелый и яркий человек сильного характера, блестящий оратор, «упревший» ученого грека Леона. Федор был под стать князю Андрею. «Пред нами крутой и властный (в стиле того же Андрея Боголюбского, тоже кончившего плохо в конце концов) организатор церковного центра с претензией на самостоятельность и с готовностью на борьбу, что называется, „до конца“»⁷⁸. Андрей и Федор, пока действовали вместе, составляли могучую силу, способную на самые смелые и рискованные предприятия, волновавшие их решительностью Русь и Византию.

Для византийской политической системы была характерна теснейшая связь власти императора и церкви, причем церковь подчинялась светской власти. Но столь откровенное для Руси объединение меча политической власти и «меча духовного», которое обнаружилось в деятельности Андрея и Федора, вызвало особо острое сопротивление митрополита и Византии. Этот союз церкви и князя делал несравненно более мощным союз князя и горожан, а следовательно, умножал силу новой Владимирской державы, что никак не входило в планы императора и патриарха. В иных условиях, двумя веками позже, когда Византия быстрыми шагами пойдет к своему упадку, московские митрополиты Петр и Алексей за свою действенную помощь объединению Руси получают нимб святых. В XII в. их предшественник владыка Федор погиб в муках, как еретик и самозванец, предрешив кровавую трагедию смерти Боголюбского.

Описанные события 60-х годов протекали, когда еще была свежа память о русском митрополите Климе Смолятиче. Сменивший Климита грек Константин сурово расправился с его сторонниками, ряд епископов был смещен и заменен греками или отлучен от церкви, часть их лишили сана. Софийский собор был заново освящен, как оскверненный службой схизматика Климита («испровергше Климову службу»); наконец, покойный князь Изяслав, любимец киевлян и инициатор избрания Климита, был предан торжественной анафеме⁷⁹. «Можно представить себе, — пишет П. Соколов, — какое впечатление должны были произвести на русских, в особенности на киевлян, эти первые шаги нового митрополита-грека. Все были посажены на скамью подсудимых, начиная с мирян и кончая епископами и князьями. . . Для киевлян такие акты нетерпимости со стороны митрополита-грека едва ли могли представляться справедливыми. . .»⁸⁰. Теперь Русь стала свидетельницей беспримерной по напряжению новой попытки

⁷⁷ ПСРЛ, т. IX, стр. 239—240. Образ Федора в Никоновской летописи имеет общие черты с характеристикой, данной ниже также «лживому владыке» XIV века — Митяю, которому покровительствовал Дмитрий Иванович московский (ПСРЛ, т. XI, стр. 36).

⁷⁸ Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 200.

⁷⁹ П. Соколов. Указ. соч., стр. 52.

⁸⁰ Там же, стр. 89—92.

порвать с византийской «игемонией» и нового, еще более трагического, кровавого конца «лживого епископа Федорца». Все это не могло не взволновать умы, не вызвать опасного общественного брожения. Масштаб «митрополичьей неправды» во многом и определил ярость удара, нанесенного Андреем Киеву в 1169 г. Северный самовластец страшно мстил митрополиту и его столице — жестокому грабежу были подвергнуты киевские церкви и монастыри. Не только политический, но и церковный престиж Киева был непоправимо подорван. Pamфлет против Федора имел своей целью реабилитировать митрополита и предать поруганию память о владимирской попытке порвать узы греческой «игемонии».

Pamфлет против Федора вышел из определенных кругов. Не владимирцы страдали от него, его враги были там же, где и враги Андрея, — в Ростове. Там приходился по душе нерадивый и бездеятельный епископ Нестор, а энергичный, не останавливавшийся перед крайними острыми мерами для достижения своих целей «звероядивый Федор», который «без покоя пребысть и до последнего издыхания», «озлобил» «людей своих сих кротких Ростовская земля», так что бог и богородица изгнали его «от всея земля Ростовская». Весьма вероятно, что в Ростове еще сидел упорно отвергаемый Андреем Леон. По свидетельству «Жития Леонтия» («Слово о внесении телесе»), Леон жил до 1184 г., когда после его смерти («посемь представльшуся Леону епископу ростовскому») был поставлен Лука⁸¹. Леон и мог приложить руку к посмертному посрамлению своего врага. Однако непосредственный «списатель» рассказа сделал все, чтобы обелить Андрея: он представлен сторонником митрополита, божественный промысел покарал Федора «рукою крепкою и мышцею высокою, рукою благочестивого ц а р с к о ю правдиваго и благовернаго князя Андрея». Более того, удаление Федора представлено как чудо Владимирской иконы, для прославления которой Федор сделал, конечно, много. Исследование показывает, что владимирские витии немало потрудились над аргументацией «божественного» «самовластства» Андрея, мерцавшего уже царским блеском. И почетная для Андрея интерпретация в сущности провала его борьбы за независимость владимирской церкви была лишь хорошей миной при плохой игре.

В этой связи нельзя не отметить существенного места Лаврентьевской летописи, показывающего, как реагировали во Владимире на гибель Федора. В 1185 г. произошел конфликт между Всеволодом III и митрополитом Никифором по вопросу о замещении владимирской епископской кафедры. Всеволод прочил на это место «смеренаго духом» берестовского игумена Луку, а митрополит «на мзде поставил Николу Гръчина». Однако обстановка теперь была не та, что при Андрее Боголюбском, — Всеволод был всемогущ, и митрополит быстро отозвал своего кандидата и послушно поставил угодного владимирскому князю Луку. Владимирский летописец по этому поводу записал: «нестъ бо достойно наскакати на святительский чин на мзде, но его же бог позовет и святая богородица, князь въсхочеть и людьє»⁸². Автор этой ремарки с сарказмом и удовлетворением язвительно цитирует здесь концовку вставки 1169 г. — памфлета о епископе Федоре: «Се же списахом да не наскакають неции на святительский сан, но его же позовет бог. . .». Нельзя не отметить умения владимирского летописателя использовать оружие противника против него самого.

Оценивая рассмотренную нами церковно-политическую борьбу, поднятую Андреем Боголюбским, нельзя не сопоставить ее с тем, что проис-

⁸¹ А. А. Т и т о в. Житие Леонтия, стр. 10. В списках ростовских епископов Леон помещен перед Лукой (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 165).

⁸² ПСРЛ, т. I, стб. 390—391.

ходило в эту же пору на Западе Европы. Там шла подобная же борьба между французскими королями, стремившимися к объединению страны и усилению королевской власти, и папским престолом, интересы которого защищала так называемая «теократическая партия», возглавлявшаяся знаменитым Бернаром Клервоским и поддерживаемая крупной феодальной знатью, боровшейся с королевской властью за свою независимость против централизации страны. На Руси роль «теократической партии» играла высшая греческая церковная власть — митрополит-грек и греческий епископат. Как королевская власть на Западе, так и здесь крепнущая княжеская власть стремилась порвать нити зависимости местной церкви от ее зарубежного центра, взять в свои руки замещение высших церковных постов, выступала против папских и патриарших ставленников. Подобно митрополиту-греку на Руси, Бернар Клервоский считал допустимыми любые средства борьбы с королевской властью⁸³. В своих исторических путях Владимирская Русь оказывается идущей наравне с передовыми тенденциями европейской истории⁸⁴.

⁸³ Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, стр. 100, 127 и сл., 156—157, 161.

⁸⁴ Нельзя согласиться со странной оценкой борьбы Андрея за митрополию, данной И. У. Будовницем: «она знаменательна как отражение уже вполне определившейся феодальной раздробленности Руси, при которой отдельные области, отделившись от Киева в политическом отношении, стремились сбросить с себя зависимость от древней столицы и в религиозной области» («Общественно-политическая мысль», стр. 248). Конечно, сила Владимирской земли выросла в процессе феодального дробления, который определил и самостоятельность политики отдельных княжеств. Но церковно-политическая борьба Андрея была, как мы видели, не отражением феодальной раздробленности, а, напротив, одним из средств ее преодоления и утверждения церковной независимости не Владимира от Киева, а Руси от Царьграда.
